

НОВАЯ серия

алексей
цветков

: имена любви :

НОВОЕ издательство

Алексей Цветков

Имена любви

«Новое издательство»

2006

Цветков А. В.

Имена любви / А. В. Цветков — «Новое издательство», 2006

Алексей Цветков родился в 1947 году на Украине. Учился на истфаке и журфаке Московского университета. С 1975 года жил в США, защитил диссертацию по филологии в Мичиганском университете. В настоящее время живет в Праге. Автор книг «Сборник пьес для жизни соло» (1978), «Состояние сна» (1981), «Эдем» (1985), «Стихотворения» (1996), «Дивно молвить» (2001), «Просто голос» (2002), «Шекспир отдыхает» (2006), «Атлантический дневник» (2007). В книге «Имена любви» собраны стихи 2006 года.

© Цветков А. В., 2006

© Новое издательство, 2006

Содержание

«два зеркала она дала ему...»	5
«потом он взял и изобрел бобра...»	6
«помнишь они нас учили на человека...»	7
«на секунду в мозгу светло...»	8
«в феврале в белом боинге из фьюмичино...»	9
«сыграть в ящик и восстать из гроба ледоколом...»	10
«потечет чуть попятиться свойство зимы и поземки...»	11
«на стене с утра картинка криво...»	12
«автопортрет в пейзаже роща с лугом...»	13
«как же их столько в своих городах коротких...»	14
«когда в густом саду когда в тенистом...»	15
«когда пора мастерить кофе или яйца...»	16
БОРТОВОЙ ЖУРНАЛ	17
«когда философ кант родился резвым крошкой...»	19
ДИАЛОГ ХРИСТА И ГРЕШНОЙ ДУШИ	20
«на барабане и трубе...»	22
«стрекозам сезон то ли ягодный сбор...»	23
«вся жара только жанр выбирать устала...»	24
«зима струилась вязко как сметана...»	25
«шелк этих яблонь нашествие этих вишен...»	26
НЕМО В МОРЕ	27
«вдвоем в пути по редколесью...»	28
«чумели яблочные полустанки...»	29
«чудо грифельная черта...»	30
ДИАЛОГ СУДЬБЫ И ЛЮБВИ	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Алексей Петрович Цветков

Имена любви

«два зеркала она дала ему...»

два зеркала она дала ему
одно взаправду и еще ночное
где отражение спрятано в дыру
невидимое зеркало ручное

две лопасти а вместе вся стена
с той стороны заключена причина
она сама пока была всегда
как в зеркале простом неразличима

смотри стекло просверлено насквозь
нить времени проложена подкожно
там предстоит все что давно сбылось
а то что было раньше невозможно

она ему два зеркала дала
в одном лицо для памяти хранится
жизнь без нее короткая длина
где днем ночное зеркало граница

не вспоминай зачем она вообще
саднит стекло но если глянуть слева
взорвется ночь и в треснувшем зрачке
сощелкнутся две половинки света

«ПОТОМ ОН ВЗЯЛ И ИЗОБРЕЛ БОБРА...»

потом он взял и изобрел бобра
реальный бобр в натуре будто вылит
хотя сошла со стапелей с утра
ондатра но она ольхи не пилит

отсюда ясно для чего ольха
она молчит и никому не жалко
но бобр как брат он тоже не доха
да и ондатра никому не шапка

потом вздохнул и сочинил блоху
поскольку глины замесил немного
с бобром все ясно но блоху-то ху
а вот поди живет и хвалит бога

или допустим под землей темно
все норы порознь и ужасно душно
там многие вообще едят дерьмо
и лысые совсем но жить-то нужно

когда бы вправду добрый доктор бог
пожать его целительную руку
творец бобров и повелитель блох
но бога нет и мы враги друг другу

вот хоть микроб он с детства глух и нем
но он ко мне относится как к блюду
а я добрей я никого не ем
из малых сих и никогда не буду

«ПОМНИШЬ ОНИ НАС УЧИЛИ НА ЧЕЛОВЕКА...»

помнишь они нас учили на человека
все по мозгам резьба но судьба несла
вот ты и стала точно не чем хотела
северных встреч невеста и невесна
страшный на мачте сучил холода и годы
в трюме с трезубцем морочил व्यюшку котла
так постепенно ты умерла и кто ты
после всего то есть где ты или когда

знать не зазорно но вскользь как ножом сказали
диву далась бы в памяти у меня
там на подушке проснется лицо с глазами
не говори так тихо ведь ты умерла
тяжесть твоя в ладони жизнь все та же
только дыханье ветер сносит в пески
все не весна никому не невеста даже
разве разлука могила постой не спи

если один напоследок вопрос из списка
невмоготу во рту и мозг на замке
настежь объятья только не стой так близко
ты неживая а я лебеда на земле
как научили любить верней не умели
ангелы в этом огне как одна семья
страшно догнать потопчусь провожу у двери
мертвую в мертвый простор береги себя

«на секунду в мозгу светло...»

на секунду в мозгу светло
пропасть в прошлое как в стекло
если вслед самому себе
оказаться внизу в стекле

далеки они в белом блеске
бороздящие бред челны
помнишь прошлое будто вместе
пеленали его в чехлы

раньше звук издавали вещи
их зрачки пламенели резче
степь стекала в изгиб стальной
где холмы по краям тюлени
в заповедных глазах темнели
расставанья твои со мной

с крутизны ледяного верха
слишком лишних шеренга лет
оттого так надвое время
а другой половины нет

в горький срок на краю парома
в шлеме с гребнем горит аврора
протянув острие копья
можно снова и никогда

«в феврале в белом боинге из фьюмичино...»

в феврале в белом боинге из фьюмичино
стонал желудок а мысли свистели мимо
торжествовала материя как учило
учение основоположников рима
то есть третьего рима три медведя в роще
в телекамеру а в пасти сестра их лыбедь
нам-то девки разносили харчи попроще
очень хотелось но блин не давали выпить

терпи овидий как суп изгнания редок
родина-смородина но внутри дрожало
в подлокотнике диво-радио для деток
про попугая tutto verde e l'occhio giallo
подпел им про попугая сиплым карузо
рылся в плохой но запрещенной гб книге
думал про себя что он это я как грустно
а кто был на самом деле теперь go figure

бывший я в воздухе где пели дети нато
вспомнил еще про крокодила в нильской пойме
il disait adieu à ses petits enfants но я-то
никаких детей за собой точно не помню
если и грешен вслепую в варшавском блоке
история прощает я возможно гений
автор да все вы помните писал о боге
и что жизнь состоит из сплошных совпадений

лети alitalia из никогда в завтра
аэропорт выстроен и стерильно вымыт
навстречу сразу огромный негр с гребнем в афро
здравствуй oh brave new world that has such people in it
забыть родину обезьянник даже тещу
прочь от этих совпадений в звездном пожаре
самолет не садится все трещит сквозь толщу
времени на соплях на единственной жабре

«сыграть в ящик и восстать из гроба ледоколом...»

сыграть в ящик и восстать из гроба ледоколом
корпоративным налогом у кого перебои с кармой
а лучше всего алгебраической операцией

как правильно что добродетель достойна
нет если по совести блистательно обречена
остаться правилом в прописях платона
первый эскиз космоса был сер и рыхл
все так сбивчиво дышали в зеркало

мир обретает смысл когда прибывает мертвых
коснись ее золотого бедра и высоковольтно пронзит
 $4x = 2 \cos t - \cos (2t)$
 $4y = 2 \sin t - \sin (2t)$

когда ты смерклась в окне троллейбуса
я понял что мне это насмерть и бесполезно
с тех пор миновало все что могло
но теперь $z_{n+1} = z_n^2 + c$

как я люблю тебя джулия

«потечет чуть попятишься свойство зимы и поземки...»

потечет чуть попятишься свойство зимы и поземки
вроде миру по святцам черед а не вечно война
ночью жадный шиповник гурьбой из оврага в поселки
обитать в синева раз уж не было нас ни хрена

не резон просыпаться чтоб явью кошмары шныряли
криво в центре управа там страха центнер на цепи
вот бы жили поди изловчись внутривенно с шипами
и не жили так больно какие там в жопу цветы

ловко всех извело кроме многих мышей для проформы
это кто золотой из зенита набычило глаз
одобрять пустыри городов там шиповник проворный
быть намерен и вишь распустился расти вместо нас

звезды бережным брайлем но способа нет для курсива
руки к горлу плашмя чтобы гнев так не бил из глубин
поселиться где названо может быть тоже россия
но другая совсем я свою никогда не любил

соберемся кричать из больших ареалов широтных
лучше прежде родиться чем в ящике марш на покой
как бы всем оказалась планета счастливых животных
лишь бы существовать если можно пожить на такой

век нам необитаемо в каждой похожей россия
очутиться нигде от зловещих попыток луны
но не в этой где тернии пышно а небо вполсилы
там нас не было не было нас это были не мы

«на стене с утра картинка криво...»

на стене с утра картинка криво
в комнате от табака угарно
ночь в крыму или вдали от крыма
с надписью швейцария локарно

мало что подсказывает память
странника бывалому ботинку
мне не мудрено ее поправить
но не память а саму картинку

там вода светла под зорким небом
пестрый город на горе как улей
но поскольку я в локарно не был
я в локарно почитай что умер

кто мне тело выточил токарно
наделил ногами выйти в люди
раз живу но нет меня в локарно
как же быть что там меня не будет

мне и здесь по совести не тесно
но пока умру стяжая славу
оторопь берет смотреть на место
где меня не существует сразу

привыкай к последнему убытку
созерцать на памятник не тратясь
смерть как набок сползшую открытку
жизнь *sub specie aeternitatis*

«автопортрет в пейзаже роща с лугом...»

автопортрет в пейзаже роща с лугом
где даже водки славно если с другом
река весло журчанье за бортом
пространство зрением но время слухом
всегда наступит музыка потом
волна в орнаменте слепящих пятен
наощупь след в зеленую толпу
несильный звук но и во сне понятен
от длинных лет примотанных к колку
почти ожог сквозь память эти пятна
пленительны улитки и ужи
как жаль что ты умрешь но вероятно
весна раз мы живые ей нужны
так подлинна и любит без подлога
на скате к сердцу прежнему полога
в разрыв зари рубиновый атлас
и если времени нужна подмога
пускай исходит музыка от нас
здесь зрению она стократ острее
покуда спишь но наяву струна
или спираль где мы круги на срезе
земного позвоночного ствола

«как же их столько в своих городах коротких...»

как же их столько в своих городах коротких
вот и везде настигает один из дней
тускло сквозь сетку набор буратин в коробках
лунные лица в тени тем глаза видней
в топку сценарий сна о крылатых предках
солнце дерзит извне но по венам ночь
сотаи над мостовой нелюбимы в клетках
стыдно до стоиа что некому всем помочь
рты нараспашку да воздух преграда вздоху
искры на карте каракас и кострома
ноль кислорода где дверь коридора в зону
исчезновенья на райские острова
встарь если в спальни смертных сходили боги
путь перекрыт даже богу темно от боли
день наступает со стороны луны
всех не спасти никого не спасти увы

лезвием вены над лункой но не рискую
прямо в зрачки ни тебе ни тому кто вслед
вместе съедем песок и допьем морскую
черную эту насквозь как эребу свет
кто продержал живьем в терпеливой доле
чтобы ни звезд падучих ни вешних гроз
значит не ордер в обещанном вечном доме
где у хозяина горниц на каждый спрос
вот и которую звал с непокорной челкой
кукла склонилась к лунке над этой черной
боги неправда и смертному не друзья
хочешь люби любого спасти нельзя

«КОГДА В ГУСТОМ САДУ КОГДА В ТЕНИСТОМ...»

когда в густом саду когда в тенистом
я вызывал тебя условным свистом
сойти к реке где нам луна светла
когда к утру мы первых птиц кормили
я ни на миг не сомневался в мире
что он таков как есть что он всегда

как мы играли там в эдеме дети
нам верилось существовать на свете
он состоял из лета и весны
какие липы нам цвели ночами
и каждый знал что завтра нет печали
наступит день где мы опять верны

теперь река за плесом половины
уходит в рукава и горловины
слепые липы угнаны в пургу
мир выстоял но уцелел не очень
дороже прежнего но так непрочен
он весь река а мы на берегу

там на холме все светит в сад веранда
я посвищу тебе моя миранда
до первых зорь пройдем в последний раз
где тени прежних птиц над нами грустно
и на глазах прокладывает русло
прекрасный новый мир уже без нас

«когда пора мастерить кофе или яйца...»

когда пора мастерить кофе или яйца
вмятку а в ванной пульсирует дробь из крана
в дверь вопросительно постучат сгибом пальца
чуткой костью хотя звонок дециметр вправо
назад в постель изловчиться что только встанешь
с кем еще натошак когда во рту ни слова
с тыльной стороны сна день распростерт как залежь
небольшой тишины но черт стучатся снова
рассчитайся попарно вот который в душе
тупо тычет в ухо щетку шурится слепо
может туда и спишь а просыпаться лучше
строго обратным курсом по абсциссе влево
вокруг океаны сна тут только каюта
суша мерещилась дань глупому поверью
с какой стати идти и открывать кому-то
там кроме страшных рыб нет никого за дверью
мешает муляж окна дырки в снежной вате
чья ты кукла забытая на зимней даче
допустим и правда стучат войдут и нате
все рассядутся и что с ними делать дальше
трудно что ли склеить остовом рыбы кости
вот их обтянули кожей налили кровью
а те решили что существуют и в гости
не стучите вас никого нет не открою

БОРТОВОЙ ЖУРНАЛ

I

подобно пифагорову бедру
в парилке где попутала харизма
стальные слитки выпали в бреду
из бережно живого организма
тот кто летит пока пунктирно цел
но в паузах сквозит как древний гений
лицо его луны светло как мел
сталь вниз влечет но вверх вздымает гелий
скрипи нейлоновое полотно
гроза и небо в голове громадно
ни взгляда вниз там на земле пятно
там кровь аэронавта

II

сегодня вахтенный инспектор звезд
вершитель абсолютного полета
а чуть вчера не менее чем хвост
бригадой теребили из болота
пусть пряжками определяют ремни
дыру меридианам где съезжаться
едва верньер такому поверни
и горизонт шипя пошел снижаться
чу кычет в ночь снаряд из полотна
где вон какие ястребы ристали
кисть из запястья брызжет холодна
из гелия и стали

III

весь горний ум космический полип
любитель тайн в слоях фольги и ваты
шумел как миленький когда погиб
но в радиусе кляксы маловаты
вот если мозгу голова вредна
или бокам топлёная лежанка
другие не настанут времена

но прежние здесь уважать не жалко
брать крайнюю и в мертвую петлю
кем в устье ног ей приспособлен листик
здесь отвинтить *gluteus* на лету
лови античный мистик

IV

весь компас вверх а в сторону нигде
пусть небо врозь на четверть радиана
там дева тверди в кварцевой воде
двуного спит откинув одеяла
краса небес всей радости жена
мир дар тебе в нейлоновой авоське
он выстрелен как жернов из жерла
прав хайдеггер в парилке на помосте
уже дрожат форсунки на борту
они умрут но не погаснет разум
гвоздями истекая в темноту
и благородным газом

V

раз в животе у прежних дев поет
всех поколений точная рассада
все вспоминай пиши пока пилот
как с гравия нас вечно вверх бросало
жизнь сведена к последнему звену
здесь на излете сталь а плоть прекрасна
и в горле речь и эта кровь внизу
твоя что человеку не напрасна
он лепетал из плена до сих пор
вбивай урок в пустую память чью-то
свети слепому огненный прибор
плыви ночное чудо

«когда философ кант родился резвым крошкой...»

когда философ кант родился резвым крошкой
он умер в свой черед но вот светясь из тьмы
старинной поводя нейзильберовой ложкой
он ест немецкий суп и снова весь как мы

защитник против тех кто поступает грубо
которому подлог и кража не в чести
он говорит не лги не сотвори прелюбо
кто станет спорить с ним как нам себя вести

нас плохо держит жизнь нам старость не в науку
но если честен кто сомненья проглотив
такому сквозь века протягивает руку
категорический как рубль императив

вот только скоро смерть а жизнь полна вопросов
в ней вор и хулиган открыто верх берет
хотя бы ты и дух ответь ему философ
как надо поступить чтоб шла мораль вперед

слагая свой трактат ты думал о герое
герои мы не все а совесть только тень
он умер и молчит ему несут второе
все ложкой шевелит и светится как день

но верится что вдруг есть компас или карта
взять азимут с утра и по стопам твоим
пройти в хрустальный мир иммануила канта
где мы честны и зря прелюбо не творим

пробраться по черте магнитного прибора
где солнце совести всегда горит слепя
там с подлинным верна вся правда и природа
а жизнь простая вещь к себе и от себя

ДИАЛОГ ХРИСТА И ГРЕШНОЙ ДУШИ

mementote peccatores...

ХРИСТОС

что душа человека стоишь у врат рая
знать тебя тело отравило умирая
сладок плод праведной жизни в канун кончины
только злодею для восторга нет причины
век твой никак не тайна все учтено в смете
рассказывай душа как ты жила на свете
точно ли ты из тех кому спасенья ищем
жарко ли молилась подавала ли нищим
почитала ли родных храмы и престолы
достойно ли блюла заповеди христовы
вижу чело твое омрачается гневом
отринь хоть в судный час гордыню перед небом
милостив отец мой к падшим кто смирен духом
обратись внутрь очами пронзи сердце слухом
ответь господу твоему зачем грешила

ДУША

поступала и жила как сама решила
если твой закон зуб за зуб око за око
значит зря старались ренессанс и барокко
как могла пересекла вброд юдоль икоты
спросить напоследок господи или кто ты
ты ли это просил милости а не жертвы
так не суди меня по скрижалям из жести
этот рай могу принять в дар но не в награду
или кричи приказ ангельскому отряду
низвергнуть меня вместе со свиньями в бездну
пропиши тьму кромешную где я исчезну
поскольку не верю в реальность нашей встречи
все равно я не сущность а фигура речи
скулить *ressavi domine* и все такое
предоставь прислуге меня оставь в покое

ХРИСТОС

кто ты душа чтобы роптать отца ругая
он автор всего добра а ты персть нагая
смертным за их вину отнимут глаз и руку
а отец сына послал на крестную муку
за все чужие вины что будут и были
за жизни какие вам не дороже пыли

все мирозданье с тех пор в струпьях этой крови
и не бог вам а вы выбираете роли
кто погряз в гордыне и прощенье отринул
тот меня на кресте в палестине покинул
правда из мира пропадает понемногу
теперь здесь не зуб за зуб а за ноготь ногу
достойно ли грешить и искать вины выше
оглянитесь вокруг не бог вам враг но вы же
кайся душа пока тело не труп под крышкой

ДУША

да читала у этих со львом или книжкой
что был де распят и воскрес на третьи сутки
только зачем ты теперь из жертвы да в судьи
подписывать ордер стигматными руками
быть без греха чтобы в грешников бросать камни
если бог то мог прощать без креста задаром
не под силу быть врачом будь хоть санитаром
и если эти книжки так необходимы
ты сказал там не судите да не судимы
нынче в конце дней на их стремительном склоне
я позволю себе поймать тебя на слове
пусть в аду на кресте с двумя другими вместе
прибьют меня во искупление божьей мести
навек с надписью чтобы буквы видны
суд отменяется ни на ком нет вины

«на барабане и трубе...»

на барабане и трубе
игрок в огромном матче
как сталь светла река в руке
горите горы ярче
там дым мембранами звеня
откуда жди подмоги
как тверже жить и ты земля
вся колесом под ноги

дорогой рожь пусть компас вспять
слить горний гром в коробку
с восьмой строки работа спать
колени к подбородку
кто волк от штормовых широт
раз во весь рот замазка
река ужасная в живот
из жарких жерл дамаска

умри в сиреневой красе
потом коты и кони
я тот кто человек как все
но извлечен из кожи
рожусь наружу из метро
чтоб детство не дремало
для вас еще почти никто
но для себя немало

уж если жить а вам пора
прямее нерв и вена
в жене спрятаны права
орла и человека
прочь из-под кожи наготу
мир где вещам невоготу
людей коротких трата
ты зажигающий огни
пока в горах гремят они
орла над временем храни
и рыбака и брата

«стрекозам сезон то ли ягодный сбор...»

стрекозам сезон то ли ягодный сбор
пространство под крыльями крепче
в долины вода снаряжается с гор
с востока кочевьями вечер
лениво петляя узорами тьмы
подумать что птицы но вдруг это мы

внизу невещественный шелест телег
перуном точней чем вотаном
там вящий на конском кадавре олег
лев лосев с большим чемоданом
мы вдоволь удода пора брат пора
туда где от бронзы дубеет пола

покуда в воздушном потоке вздремну
поджав неудобную ногу
возьми аполлон из колчана стрелу
и в глаз перелетному богу
мне голос восторга и очи совы
где смерклося а в сумерки все мы свои

вот облачный с черных обочин табун
где небо горами обуто
аж кажется если в ком жизнь наобум
ты все же гандлевский кому-то
за временем вовремя быстрый поспел
кто страсть комсомолки в парадной воспел

к бессмертию каждый стремится кощей
яйцо снесено на вершине
но много кручин и потертых вещей
а смерть подобает мужчине
надежда что просто запомнит вода
кто птицей над ней пролетал иногда

«вся жара только жанр выбирать устала...»

вся жара только жанр выбирать устала
даже после принятых трех на грудь
потому что нет в голове сустава
мне ума в эту сторону не нагнуть

сколько раз по затылку ни хрясь сиреной
словно ходики годики врозь глаза
раз откроется дверца там аз смиренный
рот навыворот разума ни аза

смысл сложения слов оттого что вычет
честно пение жил обнажит пила
чисто еж в ежевике жужжит и кычет
весь еловый собой по бокам пихта

петушком с обложки кукушкой в шторы
оттяни отвес на шестьсот шагов
все колесишки всклень по четвертой что ли
чтоб не выпал маятник из штанов

«Зима струилась вязко как сметана...»

зима струилась вязко как сметана
где кое-что на гулке этаже
я сторожил а ты была светлана
или марина может быть уже
в очакове где ты жила положим
прорабу или отчиму женой
я всю судьбу приоткрывал прохожим
мою с твоей наташа боже мой
в ладонях небо стыло и немело
без выдоха наружу но внутри
вход в гастроном там слово рубль имело
старинный смысл и означало три

когда я кербер первому аверну
курировал свой вверенный объект
в очакове неверную царевну
ласкал прораб и требовал обед
повелевал а я пока разлука
на улице из солнца и стекла
твой иероглиф выдыхал без звука
мари тама ната но вся светла
в бреду соблазнам по равнодушию
где радость без тринадцати цена
изображая как на шелке тушью
любви пленительные имена

я не солгу как в те снега когда-то
сквозь всю необъяснимую страну
ты повела меня на цвет граната
на вкус его и с чем подать к столу
но скоро старость обесточит память
обратный мост не выстроить из строк
дай разлюбить тебя так проще падать
нам с дерева когда настанет срок

«шелк этих яблонь нашествие этих вишен...»

шелк этих яблонь нашествие этих вишен
как мы живем на миру как шумно дышим

северный свет серебрист тиражами в луже
даже не мы никакие но жадно вчуже

дрождю наморщено сердце в молочной коже
по двое по одному но и реже тоже

каждый наплачется всласть если нежно ранен
между разлукой и невозможным раем

редко жалели раньше какие стали
бога бы всем да нельзя остаемся сами

НЕМО В МОРЕ

четвертая тьма вертикальна откуда ни плюнь
в том тензоре где сопрягаются имя и место
он бороду бреет и в зеркале брезжит как лунь
а что за животное лунь почему неизвестно
он медленно шлем от скафандра со шкафа берет
последняя поросль вся в пламени эльма на скальпе
и быстро куда-нибудь вглубь и вперед
бочком в батискафе

кто твердо в борьбе искуситель безбрежных наук
такому не дрогнет космический ракопаук
ни червь жукожабрый в неведомых сущий глубинах
он мужество держит в надежде и лица любимых
уклончиво машет и мало для смерти вреда
четвертая тьма постепенно как гриб из ведра
молчит из глазниц чем подругу на гребнях качала
нам выбора нет что вселенная только война
вот дверь отворилась и кто же смотрите вошла
он снова за шлем и стремительно меч из колчана

как мокро в природе а впрочем вода неправда
ты честный родитель и вправе надеяться лучше
чем дальше в колумбы тем пристальней тень от горба
над кем треугольной лицо в набегающей туче
там гроб лукоморский куда ты стояла стройна
хвостатых менад в синеве исступленные танцы
полсупа в тарелке и тьма пузырями со дна
четвертая если не кто-то в уме обсчитался
живей же душа подобрал жестяные штаны
ночной батискаф шелестит цепenea от рыбы
вот мелкие трелью по нашей обшивке шаги
так стыдно бояться но древние двери открыты

исчадие алчет все туже сжимает круги
как немо в гортани под писк комариной пурги
хвалы или сплетен
он гибнет и вот уже съеден

«ВДВОЕМ В ПУТИ ПО РЕДКОЛЕСЬЮ...»

вдвоем в пути по редколесью
он мне рассказывал сперва
что спел вселенную как песню
но не записывал слова
не заменить где вышло хуже
но в целом стоила труда
и я подумал почему же
не слышно музыки тогда

потом до горизонта лугом
когда в росе растаял лес
уже не то чтобы друг с другом
который медленно исчез
я шел один и понял скоро
что лучше спеть ее с конца
где слабо с музыкой а слово
не выговаривается

она уже почти молчала
в чугунном черепае небес
я ре попробовал сначала
три четверти и фа диес
хоть с речью чудилась неравной
война и дикция бедна
слова пропитаны неправдой
вначале музыка была

как время выпрямить немое
срастив беззвучные места
здесь лучше дерево в миноре
в хвое звенящая звезда
в земле что под тобой хромала
отчизна хлеба и вина
слова посланники обмана
нам только музыка верна
чей голос вечен и простужен
пусть дремлют дерево и медь
нам тот кто был уже не нужен
его никто не должен петь

«чумели яблочные полустанки...»

чумели яблочные полустанки
империя изнемогала в грязь
под насыпями ссыльные весталки
окучивали гравий матерясь
мельчали козы в паузах поездки
платаны гневно реяли в огне
трибун спросил силен ли я по-гетски
и я признался что уже вполне

когда настанет страх и время острым
созвездиям пересмотреть года
мне подадут к порогу mare nostrum
ο θαλασσα черна твоя вода
скупа на север смерть второго сорта
куда белеют призраки берез
пусть горькое оно до горизонта
но за него недорог перевоз

здесь смерть как жизнь и сон об этих сестрах
прочь прошлое как в обморок проем
всей памяти что юлию на рострах
на все четыре ставили втроем
давайте издали прощаться летом
сдавать в казну пожитки в узелке
чем проще жизнь тем вся она об этом
элегия на гетском языке

еще вина и выпьем за отвагу
обычай учрежденный для мужчин
вброд через ахеронт на стикс в атаку
но есть любовь я лишь любви учил
дороже жреческих жезлов и грамот
пора домой живым земля тесна
всей мудрости здесь amo amas amat
люби легко так я любил всегда

«чудо грифельная черта...»

чудо грифельная черта
получилась ловчей чем та
производной по ртутным дырам
где квадригой греметь гнедым
чтобы черное небо дыбом
изрыгало фрактальный дым

чуть предобморочней чем ты
на другом берегу черты
угадал за нее ступая
где увечная ночь без дня
если в оба теперь слепая
то вначале кривой была
грянь рубин до крови в короне
сквозь руины ноздрей и глаз
лучше с детства жить покороче
чтоб хватило на каждый раз
гром по брустверам и куртинам
кони по небу без узды
все осколки на склад пунктиром
муравьиный эскорт в кусты

здесь отчизна и чувства прочь
бесконечное небо ночь
провода где светила висли
хмырь с фонариком в проходной
как вас нет напоследок мысли
я вам верил всем до одной

ДИАЛОГ СУДЬБЫ И ЛЮБВИ

СУДЬБА

смотри куда он след себе проел
извилистей чем древоточец древний
как в микросхеме серебро на кремний
но электроды впаяны в пробел
пока не выцвел весен быстрый ситец
и осеням дыханье не свело
он слепо верил в истинность всего
чему участник был и очевидец
где строил дом и дерево сажал
о чем загробно меж родными споры
и сына бесполезного рожал
т. е. не он но мертвые бесполы
все решено и ничему не стать
другим на свете вопреки старанью
не развернуть тетраэдр пятой гранью
а дважды два не разумножить вспять
как мухи набело в замерзшем воске
на чипах отпечалены миры
без выбора и червь на терменвоксе
уже завел шопена в mp3

ЛЮБОВЬ

взгляни сестра как незаметный клин
твою скалу раскалывает в ливень
он существует потому что был
где кровь распластана лучами линий
сложив живые участи в мешок
и в полночь прочь украдкой конокрада
ты совершила правды на вершок
но без любви нам правда не награда
с той стороны откуда солнце гость

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.